

Шэнь Циньгэ медленно погрузила окровавленный черепок в отвар. Казалось, коричневая жидкость обрела жизнь: в ней отчетливо проступили тонкие, как шелковые нити, серебристые волокна, которые начали плавно покачиваться в лекарстве.

Она взяла скальпель и осторожно подцепила одну из нитей.

В этот миг лезвие издало едва уловимый гул. Этот звук, отозвавшийся вибрацией в её барабанных перепонках, в точности повторял жужжание насекомых, которое она слышала прошлой ночью в обрушившейся пещере.

— В восточной части города тридцать два колодца, но больше всего больных именно вокруг этого, заброшенного, — Лю Жуянь развернула на каменном столе карту очагов эпидемии, густо испещренную киноварными пометками. Её палец с алым ногтем с силой ткнул в юго-западный угол, и этот глухой звук отчетливо прозвучал в тишине. — Но куда подозрительнее другое...

Она не успела закончить. А-Фу с грохотом распахнул дровяной сарай и ввалился внутрь, принеся с собой порыв ветра, пропитанный запахом сырой грязи. Его темная куртка была покрыта жирной жижей, от которой исходил резкий болотный смрад.

— Тот колодец запечатали синим камнем! Ли Бапи привел стражников и заливают устье кровью черной собаки, говорят, изгоняют нечисть!

Сяо Юй, прислонившись к колонне, подбрасывал грецкий орех. Услышав это, он сжал пальцы, и раздался сухой хруст. Осколки скорлупы посыпались на волосы Шэнь Циньгэ, едва коснувшись её кожи.

В его руке уже блестела железная табличка с надписью Управление речных перевозок.

— Гу, которую мы выловили прошлой ночью, больше всего любит запах крови черной собаки, смешанной с киноварью.

Речной ветер, принесший запах гниющих лотосов, с шумом распахнул створки окна. Нефритовая застежка на шее Шэнь Циньгэ вдруг вспыхнула холодным лазурным светом, таинственным и пугающим.

Она схватила аптечку и бросилась прочь. Её расшитые туфли заскользили по влажным плитам, и она кожей ощутила шершавость камня и липкость воды.

Тонкие узоры, расходящиеся от устья колодца, идеально совпадали с рисунком лотоса на черепке.

У заброшенного колодца уже собрались люди с факелами. Огонь плясал и метался, а в воздухе

стоял треск пламени. Господин Ли отдавал приказы стражникам, которые придавливали устье каменной плитой с магическими печатями. На его парадном мундире, в отвесах огня, отчетливо виднелись подозрительные пятна карминно-красного цвета.

Когда Шэнь Циньгэ проталкивалась сквозь толпу, серебряный браслет на её запястье внезапно лопнул. Бусины с сухим стуком покатались по щелям между камнями, подняв брызги воды, от которой разило чем-то сладковато-тухлым.

— Этот колодец соединен с подземной рекой, — Шэнь Циньгэ подняла отравленную серебряную иглу. На кончике, в свете факелов, заструился фиолетовый дымок. — Во время землетрясения подземные воды хлынули обратно, вынося с собой яд. Господин, на ваших полах осела пыльца дурмана — вы боитесь, что Гу учует запах сандала?

Меч Сяо Юя внезапно оказался у горла господина Ли. Одним точным движением он подцепил висевший у того на поясе мешочек с вышитым лотосом на одном стебле.

Лю Жуянь, не теряя времени, рванула ткань, и на землю посыпались золотые листья, зазвенев с отчетливым, мелодичным звоном.

Пока толпа ахала, А-Фу вытянул из колодца запертый железный ящик. Вспышка кнута — и крышка отлетела, обнажив обломок жетона Стражи синей чешуи.

— Неудивительно, что каждое седьмое число кто-то бросал в колодец живых кур, — дрожащим голосом произнесла торговка тофу, указывая на ящик. — Я сама видела, как паланкин господина Ли останавливался здесь!

Толпа взорвалась, как котел с кипящим зельем. Сяо Юй с усмешкой пнул железный ящик в сторону людей, и золотые листья в свете огня описали ослепительную дугу.

Кто-то швырнул гнилой капустный лист, и чиновничья шапка господина Ли покатилась по грязи, издавая глухое бульканье.

Шэнь Циньгэ воспользовалась моментом и всыпала порошок в колодец. Черная вода на глазах начала менять цвет, становясь густо-зеленой.

— Осторожно! — Сяо Юй резко развернулся, прикрывая её собой. Осколки камней, разлетевшиеся от взрыва в колодце, полоснули его по левому плечу. Кровь мгновенно пропитала абрикосовый рукав, и в воздухе разлился густой запах железа.

Когда Шэнь Циньгэ сорвала ленту с волос, чтобы перевязать его, она заметила в его ладони метательное оружие с зазубринами — точь-в-точь такое же, какое использовали наемники, напавшие на них у скал.

Лю Жуянь воткнула отравленную иглу в щель между камнями:

— В воде был селитренный порошок, неудивительно, что он сдетонировал от огня.

Она внезапно замолчала, глядя на обрывок Гу, который Шэнь Циньгэ извлекла из раны Сяо Юя. В лунном свете останки насекомого отливали жутким сине-золотым блеском.

Сяо Юй, чьи губы побледнели, прошептал ей на ухо:

— Гу Преследующая Душу Стражи синей чешуи, смертельна при первом же контакте с кровью...

Он не договорил и бессильно склонился на её плечо. Его дыхание коснулось нефритовой застежки на её шее, и Шэнь Циньгэ почувствовала странное тепло.

Сжав зубы, она вложила ему в рот противоядие, не заметив, как пальцы мужчины, спрятанные в рукаве, судорожно сжались.

Когда ночной сторож пробил полночь, вода в колодце наконец стала прозрачной. Шэнь Циньгэ бросила туда остатки трав и обернулась, наткнувшись на обжигающий взгляд Сяо Юя.

Его пальцы все еще перебирали её абрикосовую ленту для волос, а в другой руке он сжимал нефритовый флакон с вырезанным лотосом — тот самый яд, который она потеряла утром.

— А почему в лекарственном флаконе госпожи Шэнь засахаренные сливы? — Сяо Юй закашлялся и спрятал фарфор за пазуху. — Должно быть, это А-Фу стащил и подменил...

С реки донесся мощный гул — это поднимали якоря на судах Управления перевозок.

Шэнь Циньгэ посмотрела на бледнеющий след на своей ладони, не заметив, как в глубине колодца проплыл клочок чешуи, отливающий в лунном свете тем же призрачным блеском, что и Гу.

Туман, поднимавшийся от колодца, окутал крыши домов, согревая её влажным теплом. Шэнь Циньгэ наблюдала, как в печь летит последняя корзина корней атрактилодеса, машинально поглаживая новый серебряный браслет.

События утихли. Семь дней назад этот район казался мертвым, а теперь в воздухе витал аппетитный аромат рисовой каши. Дети с вертушками пробежали мимо, и их пальцы, испачканные в сахаре, блестели на солнце.

— Госпожа Шэнь! — торговка тофу принесла грубую керамическую миску. В курином бульоне плавали два яйца. — Моя курица снесла их сегодня утром...

Лю Жуянь, прислонившись к сушилке для трав, усмехнулась, и её серебряная заколка-бабочка звякнула.

— Не балуйте её, бабушка. Вчера мясник с восточной улицы насильно всучил нам свиную ногу, из-за чего к нам всю ночь ломились бродячие коты.

Шэнь Циньгэ хотела отказаться, но вдруг почувствовала, как пояс стал легче. Сяо Юй незаметно оказался за её спиной и воровал куриный бульон её же мешочком для игл. Золотая вышивка на его рукаве коснулась края чашки, и в фарфоре отразились его смеющиеся глаза.

— Попробую, не пересолила ли госпожа Шэнь, — он выпил бульон одним глотком, и его кадык коснулся её распущенных волос. — М-м, вкуснее, чем нефритовый суп в ресторане Пьяный бессмертный.

А-Фу, жуя куриную ножку, пробормотал:

— Хозяин, а три дня назад вы говорили, что её отвары хуже помоев...

Ореховая скорлупа, пущенная метким броском, угодила ему в затылок. Сяо Юй продолжал вертеть в пальцах ленту Шэнь Циньгэ, а капли крови, проступившие из его раны, на каменной плите сложились в очертания лотоса.

Сердце Шэнь Циньгэ пропустило удар. Гу, которую она вырезала из его раны той ночью, была в точности такой же, как узор на жетоне, который А-Фу выловил из колодца...

— Сестрица Шэнь, скорее смотрите! — Лю Жуянь отдернула бамбуковую штору. Двадцать восемь детей выстроились в форме созвездия Ковша, держа в руках миски. Мальчишка в шапке с тигренком крикнул: — Сахарные шарики от феи вкуснее солода!

Толпа рассмеялась, женщины украдкой утирали слезы.

Шэнь Циньгэ усадили в кресло под софой. Не успела она раздать все конфеты, как сверху посыпались цветы абрикоса — Сяо Юй опрокинул сушилку. Белые лепестки упали на красную камелию в его волосах, сложившись в кривоватый иероглиф Спокойствие.

— Шэнь Циньгэ, — Сяо Юй опустился на одно колено, придерживая край её гранатового платья. — Если я скажу, что наемники у скал пришли за моей Техникой Сердца Девяти Колец...

На другом берегу реки трижды прозвучал свист куропатки. Лицо А-Фу изменилось, в ливне, сбившей его кнутом, блеснула окровавленная чешуйка.

Сяо Юй замолчал. Железные шарики, вылетевшие из его рукава, погасили три фонаря.

Когда погрузилась тьма, Шэнь Циньгэ окутал запах ржавчины. Пряжка пояса Сяо Юя больно впилась ей в талию, но сердцебиение у него в ушах было еще более неистовым, чем в ночь взрыва.

— Гу Стражи синей чешуи питается кровью хозяина. В комнате Ли Бапи спрятан фонарь в форме лотоса, отлитый из восьмидесяти таэлей казенного серебра...

— Так ты специально подставился под осколки? — Шэнь Циньгэ сжала его окровавленный рукав.

— Если бы не получил рану, как бы я узнал, что противоядие доктора Шэнь замешано на сливовом меде? — горячие губы коснулись её пылающей мочки уха. Сяо Юй вложил ей в ладонь железную табличку со змеиным узором. — В полночь, на пристани.

Когда ночной сторож пробил полночь, Шэнь Циньгэ нашла тот самый фонарь в тайной комнате господина Ли. В пепле внутри лампы была чешуя Золотой Шелковой Гу, а в потайном отделении подставки лежали двенадцать писем с печатями Министерства доходов.

— Неудивительно, что они бросали в колодец живых кур, — Лю Жуянь подцепила серебряной шпилькой обгоревший клочок бумаги. — Каждое седьмое число Гу Стражи синей чешуи требует...

Цокот копыт прервал её на полуслове. А-Фу влетел в окно, прижимая к груди позолоченный ларец — с тем же узором, что и на флаконе Шэнь Циньгэ.

Из ларца выпали письма с печатями Министерства наказаний. На одном из них, пропитанном кровью, проступала надпись: Источник эпидемии — Императорская аптека.

Речной ветер стал солоноватым. Нефритовая застежка на шее Шэнь Циньгэ вновь вспыхнула ледяным светом.

Она вспомнила цветок Восемнадцати ученых в Императорской академии, который никогда не распускался, вспомнила седину отца, проверяющего лекарства, и запах сандала, который никак не выветривался из раны Сяо Юя...

— Госпожа Шэнь! — Лю Жуянь подхватила её, когда та пошатнулась. На её рукаве проступили темно-красные капли крови — осколок той ночи все же оставил свой след.